

УДК 821.161.1

СУФИЗМ В ДУХОВНОЙ БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО: ТАТАРСКИЙ КОНТЕКСТ

© Ринат Бекметов

SUFISM IN THE SPIRITUAL BIOGRAPHY OF LEO TOLSTOY: TATAR CONTEXT

Rinat Bekmetov

This article discusses some of the issues related to the spiritual heritage of L. N. Tolstoy. The writer is fascinated by the East as the center of various creeds (Hinduism, Buddhism, Islam, Confucianism and Taoism). We note L. N. Tolstoy's keen interest in Sufism – the mystical and religious stream in traditional Islam. As is known, L. N. Tolstoy, being a rationalist of the educational mindset, was very skeptical of extrasensory, metaphysical basics of understanding God. He acknowledged only the “love of one's neighbor” as a force capable of overcoming people's internal mistrust towards each other. Thus, he was deeply interested in moral issues, presented in Sufism with extraordinary sharpness and intensity. In addition, we explain the significant role, which Tatar culture played in the understanding of certain aspects of Sufi doctrine in the late 19th – early 20th centuries. We underline the attention paid to the personality and the works of L. N. Tolstoy by the representatives of Tatar literature of this period. He was the object of philosophical reflections and literary translations into the Tatar language. In a special context, the article describes the activity of the so-called V. Vaisov movement, pursuing the non-violent transformation of the world on the fundamental principles of human morality. L. N. Tolstoy corresponded with one of the representatives of the “God's Regiment”, met him and they had a long conversation.

Keywords: Leo Tolstoy, spiritual heritage, Sufism, Tatar cultural context, Vaisov movement.

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с духовным наследием Л. Н. Толстого. Писателя увлекал Восток как средоточие различных вероучений (индуизм, буддизм, мусульманство, конфуцианство, даосизм). Отмечается его пристальный интерес к суфизму – религиозно-мистическому течению в традиционном исламе. Л. Н. Толстой, как известно, будучи рационалистом просветительского склада, весьма скептически относился к сверхчувственным, метафизическим основам постижения Бога. Лишь «любовь к ближнему» признавал он в качестве силы, способной преодолеть внутреннее недоверие людей друг к другу. Потому-то его глубоко занимала нравственная тематика, представленная в суфизме с необыкновенной остротой и напряженностью. Объясняется, кроме того, значение татарской культуры конца XIX – начала XX века в осмыслении отдельных аспектов суфийской доктрины. Подчеркнуто то внимание, которое проявляли деятели татарской литературы указанного периода к личности и творчеству Л. Н. Толстого. Он был объектом философской рефлексии и художественного перевода на татарский язык. В особом контексте освещена деятельность так называемого вайсовского движения, ставившего целью ненасильственное переустройство мира на основополагающих принципах общечеловеческой морали (добра и справедливости). Л. Н. Толстой переписывался с одним из представителей «Божьего полка», Г. Вайсовым, имел с ним встречу и долгий, обстоятельный разговор.

Ключевые слова: Лев Толстой, духовное наследие, суфизм, татарский культурный контекст, вайсовское движение.

Проблема «Толстой и Восток» была предметом весьма серьезных литературоведческих исследований. Достаточно назвать фундаментальную монографию А. И. Шифмана [Шифман], чтобы было понятно, о степени какой кропотливости в научном освещении ориентальной темы идет здесь речь. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на два существенных обстоятельства,

делающих названную проблему потенциально более глубокой и сложной, чем было принято думать до сих пор.

Во-первых, условная полнота толстоведческих трудов восточной направленности реализовывалась в пределах конкретных, по преимуществу текстологических, задач.

Во-вторых, и это чрезвычайно важно, мера их объяснимости определялась уровнем теоретико-методологических штудий, соответствовавших актуальному филологическому дискурсу.

Иными словами, Л. Н. Толстой как целостное явление духовной и художественной жизни значительно шире тех представлений, которые возникали и возникают о нем. Заслуга А. И. Шифмана в тщательной разработке «ориентально-толстовской» проблематики не вызывает сомнений. Однако нетрудно увидеть, что она затрагивает лишь те аспекты творчества Л. Н. Толстого, которые лежат на поверхности и связаны с четко выраженным интересом писателя к Востоку, с прямой фиксацией индивидуальных предпочтений в слове, чаще – в письмах и переводах. Глубинный, «бессознательный» пласт отношений Л. Н. Толстого с Востоком, по нашему убеждению, еще не раскрыт (из продуктивных попыток затронуть этот пласт см.: [Бурба]).

Кроме того, если придерживаться принятых в классическом литературоведении историко-функциональных принципов, то легко заметить, что т.н. региональный контекст толстовской ориенталистики не до конца учтен и уточнен. Ведь, говоря о Востоке, нередко имеют в виду «внешний», «зарубежный» Восток, забывая, что существовал и «внутренний», собственно российский, причем едва ли не до конца 1920-х годов он осознавался в качестве такового, ибо включал множественные культурные отличия, которые потом сошли на нет в нивелирующих стандартах советского образа жизни.

В самом деле, трудно переоценить значение личности Л. Н. Толстого для татарской культуры начала XX века (см.: [Кадыров]). Без всякого преувеличения можно сказать, что из всех русских писателей именно Л. Н. Толстой стал объектом повышенной рефлексии видных татарских интеллектуалов тех лет. Устойчивость внимания предопределялась яркими особенностями философско-эстетического сознания Л. Н. Толстого, его духовно-нравственными исканиями, непреклонной гражданской позицией, благожелательным отношением к народам России (факт биографического порядка – пребывание Л. Н. Толстого в Казани – играл свою дополняющую роль)¹. Сосредоточенность татарских

интеллигентов на фигуре Л. Н. Толстого приобрела столь рельефные черты и потому, что она была обоюдной, она как бы соответствовала изначальной природе диалога, который не может вестись однонаправленно.

Позднего Л. Н. Толстого, как известно, увлекали разного рода идейные течения, основанные на принципах ненасильственного переустройства мира. Среди них – ваисовское движение у поволжских татар, берущее свое начало с 60-х годов XIX века. О взаимоотношениях Л. Н. Толстого и ваисовцев в отечественной историографии уже писалось, причем немало и хорошо; знатоком-специалистом тут является Р. К. Валеев, посвятивший любопытной проблеме несколько публикаций, в том числе небольшой раздел книги «Последний враг народа» [Валеев]. Но, как кажется (мы можем ошибаться!), работы современных татарских историков о ваисовцах, вбирающие такой ценный источник, как толстовское письменное слово-свидетельство (см. также: [Шакуров]), дают взгляд на эту проблему по преимуществу со стороны национально-татарского миропонимания, а сам Л. Н. Толстой служит некой «практической» задаче его отразить или, в крайнем случае, поднять на новую идеологическую высоту. В подобной «диспропорции» есть своя вполне оправданная логика, и оспаривать ее у нас нет острой необходимости. Если Л. Н. Толстой вступил в переписку с представителем «Божьего полка», следил за тяжелой судьбой адептов реформируемой веры, значит, в умонастроениях ваисовцев была горькая, «сермяжная» правда, которую писатель тонко чувствовал и о которой хотел говорить искренно. В то же время, вероятно, при описании диалогических связей Л. Н. Толстого и ваисовцев следовало бы иметь в виду и позицию писателя, для которого «Божий полк» – одна из идеологий, один из «проектов», в ряду тех, которым автор «Войны и мира» душевно сочувствовал. У Л. Н. Толстого всегда было так: внимание к чему-либо оформлялось в стабильную конструкцию только тогда, когда это что-то соотносилось с его собственным мировоззрением или хотя бы с какой-либо его гранью². Показательно, что в письмах Л. Н. Тол-

тивированным (прежде всего в своей «жгучей» публицистике); литературные переводы говорят сами за себя: из Ф. М. Достоевского на татарский язык лишь в 1970-е годы по специальному государственному заказу перевели роман «Преступление и наказание» (Раис Даутов).

² Впрочем, это ясно с простой психологической точки зрения и не требует особых доказательств. Находясь в состоянии внутреннего поиска, мы обычно ищем ответы на свои, нами же поставленные вопросы, а чу-

¹ Ни И. А. Гончаров, ни Ф. М. Достоевский, ни А. П. Чехов, исключая И. С. Тургенева, в поле татарской культурной рецепции начала XX века не вошли; даже Ф. М. Достоевский, артикулировавший мысль о «всемирной отзывчивости» русского человека, в татарской среде понимания и адекватного отклика не получил – во многом потому, что виделся слишком национальным, узкорелигиозным, идеологически мо-

стой рассматривал татар-ваисовцев в единстве и родстве с персами-бабистами. В письме от 13–16 марта 1909 года он отмечал:

Одно из этих учений – это учение бабистов, зародившееся в Персии, перешедшее в Турцию, где тоже терпело гонения. <...> Учение это не признает никаких внешних форм богопочитания, считает всех людей братьями и признает только одну религию любви, общую всему человечеству. Другое учение возникло в Казани. Последователи его называют себя «божьим полком» или ваисовцами, по имени своего основателя. Эти люди также полагают сущность веры в делах любви <...> [Толстой, 1992, с. 120].

В письме от 14–16 марта 1909 года – то же самое, в почти аналогичных формулировках:

<...> существует очень высокая по своему религиозному учению секта бабистов, продолжатель которой Бага-улла сослан был турецким правительством в Акку, сын которого живет там. Люди эти не признают никаких внешних религиозных форм и основу религии, которую они считают единой для всех, полагают в доброй жизни, т. е. в любви к ближнему и неучастию в делах зла, совершаемых правительством. Другую секту магометанскую я знаю в Казани. Секта эта называется себя божьим полком, или, по имени своего основателя, ваисовцами. И та и другая секта представляют собою движение вперед магометанства к освобождению от мертвых внешних форм <...> [Толстой 1992, с. 122].

Что мы знаем о ваисовском движении в ключе фактологии? В частности, то, что его основоположник – житель татарской деревни Молвино Багаутдин Ваисов (1810/18–1893), шейх братства накшбандийских суфиев. Как последователь этого ордена (распространенного тогда на Северном Кавказе и Турции), он утверждал, что подлинное, несокрушимое богатство человека заключено исключительно в его душе и что отстаивать право на духовное существование можно и нужно методами терпения. Опираясь на Коран и Сунну Пророка, он разработал концепцию государства, отвечающего нормам традиционной жизни татар. Так, он предлагал татарам не идти в солдаты, и если это все же случилось, то татарину надлежит пассивно сопротивляться (явное пересечение с хрестоматийным рассказом «После бала»). Как Л. Н. Толстой церковь, так Б. Ваисов подвергал критике мечеть и мусульманское духовенство. В 1874 году им был опубликован труд под назва-

ной опыт коррелирует с личностными установками; он помогает высветить нечто ценное в себе (в нас самих), обнаружить возможные пути развития мысли в той многовекторной сфере, которую являет полноценная духовно-душевная экзистенция.

нием «Путь хаджиев» («Тарик-и ходжаттин»), а в 1907 году, после смерти Б. Ваисова, в свет вышло другое его сочинение, в поэтической форме, – «Жемчужина мудростей дервишей» («Джавахир-хикмати-и дарвишан») [Хабутдинов, 2001, с. 119–121], [Хабутдинов, 2004].

В начале XX века движение возглавил сын Б. Ваисова – Гайнан. Л. Н. Толстой через И. Ф. Наживина стал искать встречи с ним, и она состоялась в Ясной Поляне 11 февраля 1909 года. Незадолго до этого Л. Н. Толстой, получив в конверте через И. Ф. Наживина письмо Г. Ваисова (оно датируется 7 января 1909 года), отправил ему краткое сообщение о необходимости приезда в Ясную Поляну; ср. записи в дневнике: от 15 января 1909 года («Впечатление слабое. Устал очень. Хорошо ходил. Ничего не писал. Как-то стыдно, стыдно, стыдно. Дурно спал. Письмо от Божьего Полка» [Толстой, 1985, с. 290]) и от 16 января 1909 года («Важное письмо от Божьего Полка» [Там же, с. 290–291]). Характерно, что, обращаясь к Г. Ваисову, Л. Н. Толстой назвал его «любезным братом» (эта формула с вариациями будет повторяться в других письмах: «дорогой мой милый брат Ваисов», «любящий вас брат»). Г. Ваисов находился в Ясной Поляне около трех дней. Р. К. Валеев попытался реконструировать их разговор на основе дневниковых записей Л. Н. Толстого, сделанных в период с 12 по 15 февраля 1909 года, и пришел к выводу, что беседа касалась широкого круга вопросов, от общественной справедливости и коранической мудрости до смысла земной жизни человека (иное и предположить было бы затруднительно!). До последних дней Л. Н. Толстой интересовался судьбой Г. Ваисова, наводил о нем справки, а 18 мая 1909 года, через 2,5 месяца после того, как Г. Ваисова осудили и заключили под стражу, отправил ему письмо с вопросом, может ли он «брату» чем-нибудь помочь.

Таким образом, ислам в сознание Л. Н. Толстого входил через реформаторское крыло, близкое к суфизму или отталкивающееся от него³.

³ После смерти Л. Н. Толстого Г. Тукай написал статью под названием «Священные четки оборвались» (1910). Она по-восточному высокопарна, полна символических намеков и обозначений (гипербол), которые встречаются только в поэзии. Смерть Л. Н. Толстого в ней сравнивается с вселенской тишиной, природа объявляется субстанцией, которая тонко, с тревогой чувствует грань, отделяющую жизнь от небытия. Л. Н. Толстой в этой статье назван на привычном языке суфия «почтенным шейхом», «высокопочтимым шейхом», что является знаком духовной благорасположенности татар-мусульман к Л. Н. Толстому.

Отметим один момент. В датируемом мартом 1909 года письме к Елене Ефимовне Векиловой, жительнице Тифлиса, размышлявшей о том, могут ли два ее сына-студента принять ислам из сочувствия к судьбе татарского народа (по-видимому, речь идет о тюрках Кавказа), Л. Н. Толстой высказался положительно. Это письмо наводит некоторых мусульманских богословов на ту мысль, что в конце жизни Л. Н. Толстой якобы готов был принять ислам, стоял на пороге ответственного выбора. Справедливости ради, используя принципы герменевтического разбора, заметим, однако, что Л. Н. Толстой внес в текст письма многочисленные, «утяжеляющие» оговорки.

С одной стороны, он проявляет тактичность, заявляя, что выбор вероучения – дело интимно-личное («ваши сыновья должны решить сами» [Толстой, 1992, с. 118]). Л. Н. Толстой подчеркивает, что формализм и ритуальность поступков есть то, что он сумел в себе преодолеть.

С другой – он ратует за переход от «православия к магометанству», но (!) в ситуации, когда вопрос стоит «ребром», «или-или»: либо «церковное христианство» (затемняющее простой смысл суеверными напластованиями, искажениями, решительно уводящими от истины), либо мусульманство (придерживающееся истины).

<...> если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата единого бога и его пророка, вместо того сложного и непонятого богословия – троицы, искупления, таинств, богородицы, святых и их изображений и сложных богослужений [Там же].

Л. Н. Толстой был рационалистом просветительского склада; тем не менее его разумность – не отмена религиозности вообще или замена ее научным познанием, а обнаружение «правильной» веры, аутентичного откровения, того Слова, которое несли когда-то людям избранные пророки, наделенные даром особенного мировидения. В письме к М. Крымбаеву от 14–16 марта 1909 года эта мысль дана прямо, в следующих словах:

Основа всех религий одна и та же: любовь к богу, т. е. к высшему совершенству, и к ближнему. Но во всех религиях совершилось и совершается то, что к основной религиозной истине, общей всем религиям, присоединяются ложные толкования, вносимые в учение его последователями. То же совершилось и совершается в магометанстве. И потому, как во всех религиях, так и в магометанстве, задача теперешнего человечества состоит не в том, чтобы, откинув рели-

гию, поставить на ее место узкие, неосновательные и пошлые, так называемые научные взгляды, а в том, чтобы понять сущность религиозного учения и постараться освободить основную религиозную истину учения от того, что скрывает ее [Там же, с. 120].

С третьей – ислам, по Л. Н. Толстому, исторически «находится в самых выгодных условиях» [Там же, с. 119], ибо он возник позже остальных мировых религий. И все-таки он включает нечто «неестественное», отчего надо освободиться, чтобы возродить возвещенное слово Мухаммеда, и тогда «он (ислам. – Р. Б.) сольется с основами всех больших религий и в особенности с христианским учением, которое он признает истиной» [Там же, с. 120]. Процесс совершенствования для Л. Н. Толстого сопряжен с упрощением, «феноменологической редукцией», если употребить термин Э. Гуссерля. Ислам, согласно Л. Н. Толстому, к этой простоте находится ближе, но окончательно ее он не достиг:

И потому в самых древних религиях больше всего чудесного и всякого рода суеверий, скрывающих истину: более всего в самой древней, в браминской, уже меньше в еврейской, еще менее в буддийской, конфуцианской, таосистской, еще менее в христианской, но уже меньше в самой последней большой религии – в магометанской [Там же, с. 119].

Для самого писателя христианство бесспорно существовало. Все дело в том, что выше всего на свете он ставил «христианские идеалы и христианское учение *в его истинном смысле*» (курсив мой. – Р. Б.) [Там же, с. 118]. И если истинный, хотя и индивидуально трактуемый, смысл совпал с мусульманским, то Л. Н. Толстой, по логике вещей, ислам принимал. Сходные суждения развивал М. Ганди. Для него все религии в исходном зерне хороши, и он способен их понять, пусть по-своему, и вместить. Но это ничуть не мешает исповедовать «природную веру», в которой человек родился и вырос; и это же дает право с полным основанием критиковать «веру отцов»: «мой долг – указывать на заблуждения индуизма, чтобы искоренить их и очистить мою собственную веру» [Ганди, с. 13].

Необходимо помнить о том, что «идеология и практическая деятельность ваисовцев <...> имела несколько относительно самостоятельных, но взаимосвязанных аспектов: религиозно-эсхатологический и суфийский, болгаро-этнический, социальный и политический», при этом «на разных этапах развития движения доминировал тот или иной аспект» [Усманова, с. 3]. Л. Н. Толстому была чужда религиозная метафизика – не потому, что Л. Н. Толстой, вопреки сложившемуся

мнению, ее не признавал, а потому, что постичь ее не представлялось возможным, и писатель, как «человек предельно свободного ума» [Басинский, с. 205], предпочитал ставить акцент на «осязаемом», а именно на коллизиях путаных социальных связей, где нравственный уклон постоянно дает о себе знать. Ваисовцы были интересны ему этим; да и сама суфийская формула любви к человеку через любовь к Богу и растворение к Нем не могла не привлечь Л. Н. Толстого («чудодейственность» растворения могла быть истолкована либо как аллегория, либо как то, от чего можно избавиться без ущерба для смысла целого).

В итоге, проблема «Толстой и суфизм» как часть русской ориентальной тематики представляется крайне перспективной. Мы коснулись ее отдельными штрихами, слабым пунктиром. Многое надлежит изучить, на многое наверняка предстоит взглянуть по-новому, уйдя от шаблонных схем и готовых ответов...

Список литературы

- Басинский П. В. Лев Толстой – свободный человек. М.: Молодая гвардия, 2016. 415 с.
- Бурба Д. В. Зеркало русского индуизма. Неизвестный Лев Толстой. М.: София, 2006. 288 с.
- Валеев Р. К. «Последний враг народа». Казань: Татарское книжное изд-во, 2013. 303 с.
- Ганди М. Моя вера / пер. с англ. В. Ахтырской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 256 с.
- Кадыров О. Х. Возвышение. Л. Н. Толстой в татарских переводах советской эпохи. Казань: изд-во Казанского ун-та, 2005. 160 с.
- Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 томах. Т. 22. М.: Художественная литература, 1985. 559 с.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 79–80. М.: Терра – Terra, 1992. 374 с.
- Усманова Д. М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань: Фэн, 2009. 568 с.
- Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-пресс, 2001. 383 с.
- Хабутдинов А. Ваисовское движение // Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. С. 45–47.
- Шажуров К. Р. Ваисовское движение в России в 1860–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2011. 20 с.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 552 с.

References

- Basinskii, P. V. (2016). *Lev Tolstoi – svobodnyi chelovek* [Leo Tolstoy as a Free Man]. 415 p. Moscow: Molodaia gvardiia. (In Russian)
- Burba, D. V. (2006). *Zerkalo russkogo induizma. Neiz-vestnyi Lev Tolstoi* [The Mirror of Russian Hinduism. Unknown Leo Tolstoy]. 288 p. Moscow: Sofiia. (In Russian)
- Gandi, M. (2016). *Moia vera* [My Faith] / per. s angl. V. Akhtyrskoi. 256 p. St.Petersburg.: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
- Kadyrov, O. Kh. (2005). *Vozvyshenie. L. N. Tolstoi v ta-tarskikh perevodakh sovetskoi epokhi* [Elevation. Leo Tolstoy in Tatar Translations of the Soviet Era.]. 160 p. Kazan': izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russian)
- Khabutdinov, A. Iu. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniia razvitiia tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX vekov* [Formation of the Nation and the Main Trends of the Development of the Tatar Society in the Late 18th - Early 20th Centuries]. 383 p. Kazan': Idel-press. (In Russian)
- Khabutdinov, A. (2004). *Vaisovskoe dvizhenie. Islam na evropeiskom Vostoke: entsiklopedicheskii slovar'* [Wäisi Movement. Islam on the European East: Encyclopedic Dictionary]. Pp. 45–47. Kazan': Magarif. (In Russian)
- Shakurov, K. R. (2011). *Vaisovskoe dvizhenie v Rossii v 1860–1930-e gody: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [Wäisi Movement in Russia in the 1860s-1930s: Ph.D. Thesis Abstract]. 20 p. Kazan'. (In Russian)
- Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoi i Vostok* [Leo Tolstoy and the East]. 552 p. Moscow: Nauka, GRVL. (In Russian)
- Tolstoi, L. N. (1985). *Sobranie sochinenii: v 22 tomakh* [Collected Works: in 22 volumes]. T. 22. 559 p. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Tolstoi, L. N. (1992). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works: in 90 volumes.]. T. 79–80. 374 p. Moscow: Terra – Terra. (In Russian)
- Usmanova, D. M. (2009). *Musul'manskoe «sektantstvo» v Rossiiskoi imperii: «Vaisovskii Bozhii polk staroverov-musul'man»* [Muslim "Sectarianism" in the Russian Empire. "Vaisov God's Regiment of Old Believers-Muslims"]. 1862–1916 gg. 568 p. Kazan': Фэн. (In Russian)
- Valeev, R. K. (2013). *«Poslednii vrag naroda»* [“The Last Enemy of the People”]. 303 p. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)

The article was submitted on 12.11.2016
Поступила в редакцию 12.11.2016

Бекметов Ринат Ферганович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru